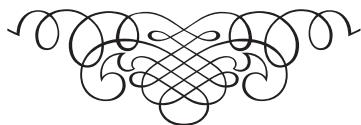

*Посвящается Роджеру — лучшему из отцов,
а также Тедди, Вайолет и Клементине —
лучшим из детей.*

ГЛАВА 1

Грейс Сэйерс сидела на парковой скамейке, грея замерзший подбородок о картонный стаканчик. Она не сводила глаз с кофейного фургона напротив, вслушиваясь в драматичное шипение пара, выплываемого кофемашиной, плавное скольжение стали о сталь, когда мужчина за стойкой заправлял фильтр в идеально подогнанный по размеру паз, и гулкое постукивание дерева о металл, когда он рыхлил молотые зерна.

С варившим кофе мужчиной болтала женщина, примерно ровесница дочери Грейс. Она посыпала свой напиток шоколадной крошкой, которую тут же сдуло ветром на прилавок фургона, и они оба рассмеялись. Маленький мальчик у женщины под ногами катал по асфальту игрушечный поезд, сосредоточенно посасывая сок из коробочки. Грейс пронаблюдала, как он выпустил изо рта трубочку, издав громкое «чух-чух», а затем поймал ее снова и сосал до тех пор, пока его щеки и картонные стенки коробочки не втянулись внутрь.

Звук оказался слишком знакомым и отозвался в Грейс острой болью, как будто бумажная трубочка вонзилась ей прямо в сердце. Она была уверена, что не проронила ни звука, но женщина обернулась и посмо-

трела на нее, значит, должно быть, что-то все-таки вырвалось.

Не желая показаться выжившей из ума старушенцией, Грейс кашлянула, маскируя свое истинное состояние.

— Кофе не в то горло попал, — объяснила она, театрально похлопав себя по груди. Но, похоже, ее слова унесло ветром, потому что женщина повернулась обратно к фургону, шоколадной посыпке и улыбающемуся мужчине, а Грейс пристыженно осознала, что разговаривает сама с собой.

У женщины были каштановые волосы, зачесанные в пучок, — точно такую же прическу предпочитала дочь, пока длинные волосы ей не надоели и она не состригла их под корень. Грейс никогда не забудет тот день, когда она вошла в комнату своей дочери-подростка и увидела, что волосы той лежат на столе комком, похожим на маленького кролика, а Амелия смотрит на нее вызывающе, все еще сжимая в руке ножницы. Годы расчесывания этих волос, бережного распутывания колтунов — все они вмиг пошли прахом ради того, что нельзя было даже назвать аккуратной стрижкой. Грейс хотелось выть, оплакивая эти шелковистые локоны, но Джонатан просил ее не драматизировать. Он сказал, что это волосы Амелии и она может делать с ними все, что ей заблагорассудится. И если она поймет, что совершила ошибку, волосы все равно отрастут. Это не самое худшее, что могло случиться.

Он был прав, разумеется. Грейс не хотела становиться тем человеком, который диктует своему ребенку длину ее волос. В конце концов, в семидесятые она была феминисткой — или, по крайней мере, считала себя таковой.

В последние годы она взяла за правило делать комплименты стрижке дочери, по-прежнему короткой, да-

же если сама была от нее не в восторге, — при каждой их встрече, а они случались недостаточно часто.

Грейс почувствовала, как желание позвонить Амелии поднимается в ней, как молочная пенка на поверхность ее капучино. Она подавила импульс, пригладив рукой собственные волосы, обычно опрятно причесанные, но сегодня растрепанные ветром. С Амелией нужно вести себя осторожно. Даже в детстве ее легко было вывести из себя: ее крошечное личико морщилось от гнева, если соска случайно падала на пол или подгузник по неосторожности застегивали слишком туго. Когда такое происходило, вокруг нее приходилось буквально кружить на цыпочках.

Но сейчас Грейс не хотела об этом думать. Она отпила кофе, осторожно глотая на случай, если жизнь окажется самоисполняющимся пророчеством и напиток действительно попадет не в то горло. Амелия не любила, когда ее беспокоили днем, особенно во время работы.

— Я тебе перезвоню, — раздраженно ответила она в прошлый раз, когда Грейс пыталась с ней связаться. — Когда время освободится.

Это было пять дней назад, хотя Грейс обещала себе не считать. У Амелии было много дел, вот и все. Грейс достала из сумки телефон. Пропущенных звонков не было. Она убрала телефон обратно. Грейс знала, каково это — разрываться на части между работой, детьми, бытом. Много лет прошло с тех пор, когда она в последний раз крутилась как белка в колесе, чувствуя себя полезной, усталой, загнанной и деловой одновременно.

Не замечая, что в это время она упускает то, что находится прямо у нее перед носом. Грейс закусила губу и переключила внимание на мальчика. В картонной коробочке не осталось ни сока, ни воздуха, и та окончательно сплющилась. Мальчик подергал маму за подол ее пальто.

— Допил? Выкинь в мусорку, — бросила женщина, едва взглянув в его сторону.

Машин в парке, конечно, не было, но мимо все равно то и дело проносились велосипеды, скутеры, а иногда и большие собаки, и Грейс нервно наблюдала за тем, как мальчик, не глядя по сторонам, побежал по аллее в направлении мусорного ведра, установленного рядом с ее скамейкой. В голове пронеслись мысли об исцарапанных коленках, разбитых носках и ободранных локтях.

Нормальные, правильные детские травмы — такие, которые можно залечить антисептиком, пластырем и поцелуями.

Она хотела поймать взгляд мальчика и улыбнуться ему, но тот уже тянулся к мусорному ведру, зажав коробочку из-под сока в одной руке и поезд в другой, всецело сосредоточенный на своей задаче. Ведро было расположено слишком высоко для него, и мальчику пришлось встать на цыпочки, вытянув руку на манер подъемного крана, после чего он разжал ладонь и коробочка упала на груду остального мусора.

— Какой хорошенький у тебя поезд, — отважилась заговорить с ним Грейс. Мальчишка, по виду лет трех, не старше, напоминал ангелочка, и только по его подбородку было что-то размазано — скорее всего, остатки завтрака. Возможно, капли яйца всмятку или засохшего йогурта. Трудно сказать. Грейс пожалела, что у нее с собой нет салфетки, чтобы стереть грязь, но, конечно, она не стала бы этого делать, даже если бы очень захотела. Она была просто посторонней женщиной в парке.

— Он очень быстрый, — деловито сообщил мальчик. — И колеса крутятся во все стороны.

— Это благодаря выталкивающему механизму, — сказала Грейс. — Внутри шасси.

Он нахмурился, переваривая эту новость, а затем несколько раз довольно грубо проташил поезд задом наперед по забетонированной дорожке. Он отпустил поезд, и тот, проехав еще несколько сантиметров, тоскливо застрял на месте.

— Сломался! — воскликнул мальчик.

Грейс посмотрела на него, потом на поезд. Ребенок был на грани слез. Она поколебалась. Это было вовсе не ее дело. Но все же...

— Позволь взглянуть, — попросила она. — Может, я смогу помочь? — Мальчик уставился на нее с недоверием во взгляде. — Вероятно, заклинило спиральную пружину. Сейчас, я только достану свой пинцет... — Грейс нашла инструмент в своей сумочке и показала мальчишке, чтобы тот мог его осмотреть.

Наличие пинцета, видимо, подтвердило ее авторитет в глазах ребенка, и он вручил ей игрушечный поезд.

— Ах, вот оно что, — сказала Грейс. — Смотри, эта часть шасси выглядит деформированной. Спроектировано, если честно, не очень удачно. Я бы на их месте оснастила поезд подвеской понадежнее. Сейчас, я только вытащу это отсюда... Вот, держи.

Она протянула паровозик мальчику, и тот выхватил его у нее из рук, прижимая к губам.

— Ой, кажется, я уронила пинцет, — охнула Грейс, шурясь на мостовую. — Не мог бы ты подать его мне, пожалуйста?

Но мальчик не видел вокруг ничего, кроме своего драгоценного поезда. Он толкнул паровозик перед собой и взвизгнул от восторга, когда тот помчался по дорожке. Он погнался за ним, как собака за мячом.

Грейс вздохнула и с горем пополам присела на корточки, чтобы поднять с земли пинцет. Это был ее любимый пинцет, идеально подходящий для того, чтобы

поправлять миниатюрные стыковые накладки. Она подобрала его, а затем немного посидела, низко склонившись над землей и собираясь с силами, чтобы подняться. С тех пор как ей перевалило за семьдесят, гравитация воздействовала на нее ощутимо сильнее, чем раньше. Она оперлась рукой о землю, лоя равновесие, и тут заметила, что ее пальто угодило в лужу и впитывает грязную воду.

— Ах ты ж, — выпалила она, и ее голос прозвучал чуть громче, чем она ожидала.

— О боже, бедняжка! — Грейс подняла глаза и увидела, что к ней устремилась мать мальчика. — Как же вы так упали? — Она почувствовала, как чьи-то руки обхватили ее за плечи. — Стефан, помоги мне поставить ее на ноги!

— Нет, что вы, я вполне в состоянии... — начала Грейс, чувствуя ужасную неловкость.

— Как же вы, наверное, испугались, — продолжала мать мальчика. К своему ужасу, Грейс почувствовала руки бариста у себя под мышками, и в следующую секунду ее поставили на ноги, кряхтя, впрочем, гораздо громче, чем того требовали обстоятельства.

Понадобилось мгновение, чтобы восстановить равновесие, и только потом Грейс позволила себе осознать весь кошмар и позор своего положения.

— Благодарю, — вежливо сказала она Стефану, который, к его чести, лишь кивнул ей в ответ и молча вернулся обратно к своему фургону.

— Ну вот, все в порядке, — сказала женщина, улыбувшись Грейс. — Может, вам лучше присесть?

— Я в порядке, — ответила Грейс.

— Конечно в порядке. Вам повезло, что я оказалась рядом.

— Совсе нет, — ответила Грейс, чувствуя себя не в своей тарелке из-за такого бесцеремонного обращения. — Я не упала.

— О боже! — ахнула женщина. — Вы споткнулись о паровозик Феликса, не так ли? А я ведь говорила ему не выпускать его из рук, говорила, что это может представлять угрозу для пожилых людей, но когда он меня слушал! Мальчишки, что с них взять, верно?

— Не думаю, что его пол имеет к этому какое-то отношение, — проговорила Грейс. — Девочка с таким же успехом могла бы...

— Позвольте мне угостить вас маффином от Стефана, — перебила ее женщина. — В качестве извинений.

— Не стоит, правда...

— Боже мой, который сейчас час? Феликс, мы опаздываем на йогу для мамы и малыша! Идем! — С этими словами она вложила монету в ладонь Грейс. — Вам на маффин.

— Я вполне могу позволить себе маффин, — вспыхнула Грейс.

— Ну конечно, конечно, но при нынешних ценах на отопление это, должно быть, *ужасно* тяжело. — Женщина снисходительно улыбнулась. — Никогда не знаешь, с какими тяготами приходится сталкиваться другим людям.

— Нет, — ответила Грейс, искренне соглашаясь с этими словами. Никто и никогда не знал.

Женщина поспешила прочь, увлекая Феликса за собой. Тот оглянулся на Грейс, и ей показалось, что слово «спасибо» слетело с его губ, прежде чем он развернулся и бросился вдогонку за своей матерью, сжимая в вытянутой руке поезд, будто летящий по воздуху.

— Значит, незнакомка дала тебе фунт на маффин? — Громкий голос Авы эхом разнесся по музею игрушек, и несколько членов Меррингтонского Клуба любителей миниатюр оторвались от своих крошечных строительных наборов, застыв с занесенными в воздухе

кисточками. — Готова поспорить, этого не хватило, уж точно не у Стефана.

— Не хватило, — согласилась Грейс. — На фунт там не купишь даже один из тех веганских батончиков со странным привкусом кожи.

— Они полезны для пищеварения, — сказала Ава и немного помолчала. — Она приняла тебя за бомжиху?

— Что? Нет, — возмутилась Грейс, жалея, что вообще заговорила об утреннем инциденте. — Конечно нет. — Она сделала паузу. — Просто она подумала, что я споткнулась об игрушечный поезд ее сына.

— И поэтому дала тебе фунт? — уточнил Самир.

— Сомнительная компенсация, — заметила Ава. — Ты могла бы подать на нее в суд.

— Но я не падала, — настаивала Грейс. — Я поднимала с земли пинцет.

— А одета ты была в том же, что и сейчас? — поинтересовалась Ава. — Пообещай, что в следующий раз возьмешь меня с собой на шопинг.

Грейс наблюдала за Авой, которая окинула критическим взглядом ее удобные брюки на эластичной резинке из «Маркс энд Спенсер» и теплый кардиган, накинутый поверх блузки. Грейс сомневалась, что ее всерьез можно принять за босячку, даже если пальто ее слегка испачкалось, а волосы растрепались от ветра. Ее кардиган был из кашемировой пряжи, в конце-то концов. Впрочем, на фоне куда более красочного и куда менее удобного наряда своей подруги, сверху донизу расшитого пайетками, она и сама себе казалась ужасно неказистой. Возможно, некоторые люди и после семидесяти могут носить блестящие и не выглядеть нелепо. Грейс не была уверена, что принадлежит к их числу.

— Лично я не считаю, что ты похожа на бомжиху, — заступился за нее Тоби. — Ты выглядишь очень хорошо.

Ава цыкнула на него.

— Ну, конечно, ты за нее заступаешься, — сказала она. — В своем-то вельветовом костюме.

Тоби посмотрел на свои вельветовые брюки так, словно видел их впервые. А затем снова сосредоточился на миниатюре шале, декором которой сейчас занимался.

— Мне нравится твой рецепт для снега, Грейс, — сказал он. — Но я, кажется, напортачил с консистенцией.

Грейс посмотрела на его снег.

— Выглядит жидковато, — согласилась она. — Попробуй добавить еще гипсовой стружки. Если масса получится слишком густой, добавь тальковой пудры. Паста на основе двух частей клея и одной части воды должна связать все это вместе.

— Подумать только, что все эти годы я заказывал готовый снег через Интернет, — сказал Самир, — а получалось все равно не так красиво, как сейчас.

— Такой снег нужно продавать, — предложил Тоби.

— Да нет в нем ничего особенного, — отмахнулась Грейс, хотя и покраснела от удовольствия. — Нужно просто подобрать правильные ингредиенты в нужном количестве. То же самое, что при выпечке торта. Или изготовлении сплава.

Грейс вернулась к текущему проекту. Она вступила в клуб почти четыре года назад, когда снова осталась одна, и вскоре это стало самым ярким пятном каждой ее недели. Музей игрушек закрывался рано, детей выгоняли за порог и заменяли пестрым сборищем пенсионеров, которые и окружали Грейс в данную минуту. Тоби был основателем и идейным вдохновителем клуба, он постоянно приносил наборы из своего магазина, а остальные по очереди заваривали чай и угощали друг друга печеньем. Музей предоставлял им помещение, а они взамен платили небольшую

арендную плату и разрешали использовать свои лучшие творения в качестве экспонатов.

Некоторые из членов клуба, такие как сама Грейс и Тоби, были настоящими энтузиастами этого дела и сооружали функционирующие модели железных дорог даже у себя дома. Другие, как подозревала Грейс по кривизне их построек, находили здесь спасение от скуки и, возможно, от одиночества. Ава приходила, потому что была полна решимости найти мужчину, который скрасил бы ее закатные годы, но пока что эта затея не принесла ей ничего, кроме разочарования, как она сама сообщила Грейс, громко перешептываясь с ней за чашкой чая и курабье в день их самой первой встречи.

— Я тут подумал и решил установить подъемник в альпийской зоне моей дороги, — сказал Тоби и посмотрел на Грейс в ожидании ее одобрения.

— Я думала о том же, — ответила она.

Он улыбнулся.

— Я заказал весьма симпатичный набор для магазина. Возможно, ты захочешь на него взглянуть? Что-то подобное могло бы подойти и тебе. — Он помолчал. — Если хочешь, я мог бы даже помочь тебе с установкой. Я бы с удовольствием взглянул на твои модели.

— Теперь это так называется? — хмыкнула Ава, никогда не пропускавшая мимо ушей фразочек с двойным дном, даже если они исходили от семидесятилетнего пенсионера с заплатками на локтях и крошками от чайного печенья в седеющей бороде.

— Я бы хотела построить подъемник сама, — ответила Грейс, сделав вид, что не услышала Аву. — Соорудить канатную систему, должно быть, не слишком сложно, и тогда уже можно будет сконструировать подъемники с проволочными петлями.

— Амбициозно, — протянул Тоби.

Ава подавила зевок.

— Да, да, Грейс — гений. Но я слишком молода для вашей болтовни о канатных дорогах. Как поживает твоя чудесная внучка? — спросила она, обращаясь к Грейс. — Ей понравилась одежда, которую я для нее сшила?

— Она была в восторге, — ответила Грейс, хотя на самом деле не получала никакой реакции на подарок. Наряд был гораздо более блестящим, чем все, что когда-либо носила Шарлотта, но Грейс была тронута, когда Ава сшила его для нее, поэтому она упаковала наряд, отправила посылку и надеялась, что его хорошо примут.

Она окинула взглядом музей, неловко ежась из-за собственной лжи, и поймала на себе пристальный взгляд Гектора. Гектор был большим и очень старым плюшевым медведем, который сидел в одной из стеклянных витрин. Он неодобрительно смотрел на нее своим единственным уцелевшим глазом, и Грейс живо представила, какой ужас он, должно быть, наводит на бедных детишек, посещающих этот зал. Она вернулась к своему снегу. Он был мелким и белым, и это заставило ее скучать по Рождеству, хотя последнее прошло довольно одиноко. Возможно, если она добавит еще клея, ей удастся слепить крошечного снеговика.

Она смастерила прелестные рождественские украшения для своей диорамы, не утруждая себя украшением настоящего дома. Ей не хотелось делать это только ради себя, раз уж Амелия с семьей отправилась кататься на лыжах.

— Ты ведь не возражаешь, правда? — спросила дочь, явно рассчитывая на то, что Грейс будет не против. — Просто у Тома бизнес, у меня работа, а у Шарлотты учеба, и это единственное время в году, когда мы можем поехать.

— Но сегодня же Рождество, — возразила Грейс, чувствуя себя капризным ребенком.

— Такой же день, как и любой другой, — ответила Амелия. — Мы отпразднуем вместе, как только вернемся. Сама знаешь, сколько отпусков мы пропустили из-за пандемии.

— Ладно, — ответила Грейс. Пандемия лишила их не только путешествий. Время, проведенное Грейс с дочерью и внучкой, тоже было принесено в жертву. Она понимала, что все эти месяцы они должны были держаться на расстоянии для ее же собственной безопасности, но регулярные визиты с тех пор так и не возобновились в полной мере. Но эта жалоба была такой незначительной после всего случившегося, что она ничего не сказала. — Поступай, как знаешь, — пошла она на попятную. — Конечно, вам нужен отпуск.

— Еще раз повторяю, мы отпразднуем все вместе, как только вернемся, — добавила Амелия мягче, сжавшись над грустью в голосе Грейс. — Так будет даже лучше. Сможешь закупить подарки на распродажах.

Вот только, когда они вернулись из отпуска, на них свалились дела, и вот прошел месяц, и в конце концов Грейс упаковала подарки и отправила их по почте. В следующем году, возможно, она пригласит их пораньше, в декабре, может быть, даже в ноябре, пока предпраздничная суета их не закружит. Когда вообще в магазинах начинают продавать индейку?

Грейс остановила себя. Только февраль, а она уже строит планы на Рождество! Когда в ее жизни стало так мало событий, которых можно ждать с нетерпением? Возможно, ей следует взять отпуск. На мгновение ее мысли заполнились солнечными кафе и прогулками по пляжу, прежде чем практические соображения о том, что взять с собой в путешествие в одиночку и сможет ли